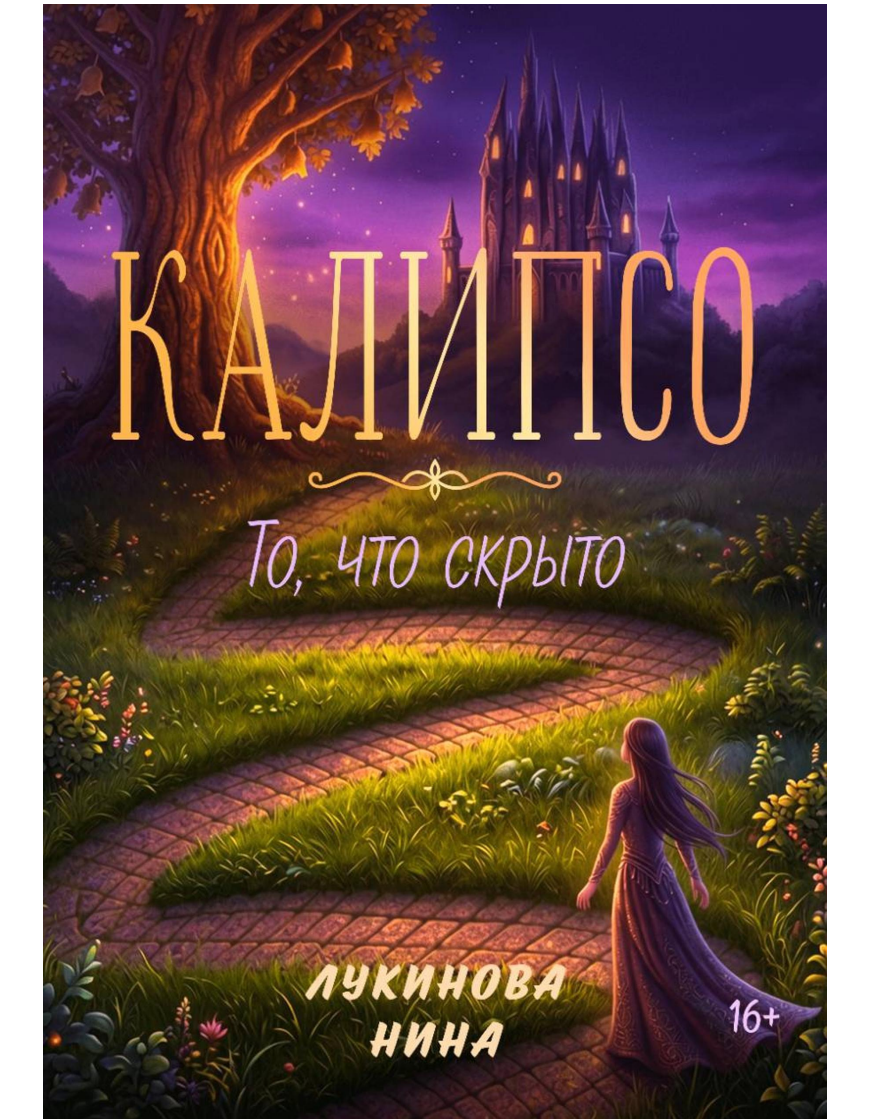

КАЛИПСО

То, что скрыто

ЛУКИНОВА
НИНА

16+

Нина Лукинова

Калипсо. То, что скрыто

<https://litres.ru/74327034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главной героине Аркаде открывается путь в Зортон - мир, где можно выбрать себе новую жизнь, и не помнить того, что причиняет боль. Здесь у каждого желания есть своя цена, а самые мирные места могут таить в себе невероятную опасность.

Пока Аркада ищет дорогу домой, её бабушка пытается вернуть внучку из многолетнего молчания, и подбирает ключ к тайне Зортон. Постепенно становится ясно: вымышленный мир не возник случайно: он хранит то, о чём в семье предпочли забыть.

«Калипсо. То, что скрыто» - история о памяти, вине и силе воображения, где спасительная фантазия становится ловушкой.

Содержание

1	4
2	13
3	21
4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нина Лукинова

Калипсо. То, что скрыто

1

Ранним зимним утром Аркада Нортол спустилась из теплого уюта дома в утопающий в снегах сад, облитый густой белоснежной пеной зимы. Утро выдалось на удивление чистое и солнечное, без единого намека на холод и стужу. Белоснежная сказка красоты как живая стояла перед глазами, настоящая, хрупкая и застывшая, подобно вечному полету снежинки. Тяжелые грозди снежных веток обрамляли деревья белизной, чистотой и невинностью. Ветки клонились причудливо, как мазки на картине, создавая эффект нереальности. Время будто навсегда застыло в этом саду в едином мгновении.

— Как жаль, что однажды все это растает... — тихо проговорила девушка, кутаясь в тонкую вязаную шаль. Щеки ее на морозе покраснелись, но она не чувствовала холода, желая навсегда запомнить это мгновение единения со стихией. Мгновение, когда застыло время, когда нет ничего, кроме снега и умиротворения.

— Аркада! — звонко позвал голос Ланы, ее семилетней сестренки. — Мама велела идти в дом, опять тепло выпус-

каешь. — недовольно притопнула она ногой, выскакивая на крыльцо их большого дома и с точностью копируя мамины интонации, что заставило девушку улыбнуться.

— Посмотри, как красиво, милая. Даже в зимнем холоде есть красота. — протянула Аркада, поправляя выбившуюся темную прядку за ухо.

— Чего я тут не видела. — хмыкнула девочка, ускользая в дом. — Закрой дверь! — крикнула она уже из холла, и Аркада зашла обратно, негромко притворив дверь.

Лана еще мала, чтобы размышлять о вечном, но однажды она поймет, что в жизни ценнее всего именно такие моменты, застывшие во времени. Бывают моменты, когда необходимо сделать выбор, не всегда простой, а иногда и нечеловечески сложный — действовать или нет, принять то решение, или иное. Тогда нужно закрыть глаза, и остаться на месте.

Семья Нортол собралась за столом, жадно поглощая завтрак, приготовленный мамой. Папа читал утреннюю газету, попивая дымящийся кофе. Была суббота, поэтому он в домашнем халате, а не в деловом костюме, не торопясь, наслаждался жизнью. Наконец-то он проведет долгожданные выходные с семьей. Младший братик Грэм еще не умел ходить и разговаривать, но уже не отрывался от любимой машинки, отказываясь есть кашу, сидя в своем высоком стульчике, расписанным утятами. И, конечно, ее милая сестренка Лана с двумя забавными детскими хвостиками по бокам, вечно жизнерадостная и веселая, не дающая никому скучать бла-

годаря своей широкой улыбке, жадно уплетающая блинчики с изюмом.

Аркада обвела семью теплым взглядом и улыбнулась. Давно она не чувствовала такого единения и теплоты, как этим прекрасным зимним утром. Мать наконец перестала пилить отца за то, что тот не проводит время с семьей, ссылаясь на работу, и, что троих детей нужно кормить, да и содержать дорогой дом, который они себе с трудом могут позволить, являясь верхушкой среднего класса, весьма расточительное занятие.

Аркада знала, что они часто ругаются по поводу денег, частых сверхурочных отца и внезапных отъездов по выходным. Будучи начальником отдела, занимающимся финансами в отделении местного банка, он в любое время дня и ночи должен быть на связи. Ревнивая от природы мать Аркады, на ночные звонки реагировала бурно, словно вырвавшийся из микроволновки ураган, который перед этим хорошенько растрясли и подогрели, превращая в огненный вихрь.

Вдобавок Эйлин Нортол имела громкий голос оперной певицы, отчего последние пятнадцать лет старшая дочь всегда была в курсе нестыковок отца и матери.

Эйлин и Эдвард Нортолы познакомились двадцать лет назад в опере, знаменитой *La Scala Di Milano*, одном из красивейших зданий мира, где ставили свои произведения такие именитые композиторы, как Пуччини, Беллини и Верди, где пели Зинка Миланова и Мария Каллас. Эдвард услы-

шал голос Эйлин, и, когда она запела, бесповоротно влюбился, впервые поблагодарив свою мать за то, что на поводке притянула с собой в оперу. Что тогда творилось на сцене, и какую постановку смотрел Эдвард в тот день, он так и не смог вспомнить. Было только ощущение невозможного тепла и света, идущее от девушки, на миг вышедшей на сцену в эпизодической роли. Тогда он потерял свое сердце навсегда.

Детство и большая часть юности Эдварда прошли в Италии. Его мать, властная и в некоторой мере жестокая, бабуля Николь, как называл ее сам Эдвард, переехала в Италию из суровой России так давно, что и сама не помнила, но с детства прививала мальчику русский язык, разговаривая только на нем. Своего второго мужа, и по совместительству отца Эдварда, Николь встретила спустя три года после переезда, а через десять рассталась с ним, отсудив практически все состояние, до последнего евро. В Италии царит матриархат, и Николь с ее деловой хваткой, ловко вписалась в картину.

Со своим третьим мужем, крупным издателем, она познакомилась за год до развода. Дядя Фабио, как называл его Эдвард, неплохо знал русский, для иностранца, и всячески пытался понравиться мальчику, но тот не замечал его робких попыток да и вообще был очень привязан к отцу, потому как у вечно занятой бабули Николь не находилось на него времени. Успешная писательница, она и раньше зарабатывала неплохие деньги на своих сказках, а благодаря стараниям нового мужа и вовсе превратилась в мегауспешную.

Имея собственный капитал, оставленный в России, некоторые сбережения и цепкий ум, она неплохо жила в чужой стране, при этом воспитывая сына. Но ее жесткий характер и неумное чувство перфекционизма оказали на мальчика не самое положительное влияние. Николь не одобряла выбор своего сына в виде оперной певички, тем более из Америки, но, когда он впервые настоял на своем, бабуля перестала лезть в его жизнь и отныне навещала сына лишь два раза в год — на его день рождения, и на день смерти его отца. Малыш Грэм получил сложную для англоязычного человека фамилию своей русской бабули, что составляло множество трудностей при оформлении документов.

Но идти еще и в этом против матери Эдвард не мог. Она помогла купить дом, за который не придется еще десять лет выплачивать ипотеку, она устроила его на хорошую работу с постоянным окладом через своих именитых друзей. Помогала ему деньгами в моменты кризиса, негласно прося в обмен ничтожную плату — приезжать два раза в год на две недели.

Бабуля Николь, говорящая с семьей сына только по-русски, предпочитающая только русскую кухню, чуждую среднестатистическому американцу, эмигрировавшему пол жизни назад к мечте о свободе и независимости, и вновь оказавшемуся в цепях, — она изводила Эйлин своими претензиями, упреками, желая, как можно больнее задеть невестку и едва не становилась причиной для обсуждения развода.

Бабуля Николь с подтянутым лицом, светлыми волосами

в сложной прическе и сотней норковых шкур, сшитых в шубу, была в доме Нортолов олицетворением зла. Сверкая огромными бриллиантами, она появлялась стихийно, бросая на сына и его семью короткий неодобрительный взгляд, небрежным жестом вытаскивая чековую книжку, а в застывших голубых глазах всегда плясала ледяная насмешка.

— Ну, сколько на этот раз, Эдвард? — бросала она с порога, проходя на кухню. — Пять, пятнадцать тысяч долларов? Говори, мне не жалко! На кого же еще тратить деньги, как не на единственного сына, отказавшегося взять мою фамилию.

— Николь, прекрати... — он никогда не называл ее мамой, она запрещала, и, возможно, само это слово было ей чуждым, незнакомым, как и ему.

— Впишешь нужную сумму, я поставила подпись. — негромко бросала она, оставляя пустой чек на кухонном столе и принимаясь распаковывать вещи.

В отличие от остальных членов семьи, Аркада всегда любила свою странную требовательную бабулю, рассказывающую ей, маленькой, нереальные сказки о других мирах, Королях и принцессах, о противостоянии добра и зла. Она чувствовала исходившую от этой женщины заботу, ощущая с ней некое духовное родство. Сильная, властная, она сама создала свою Судьбу, и Аркада хотела быть такой же, пусть и не понимая, чего просит. Она видела то, что не видел отец, саму суть поступков.

Реши Николь запретить Эдварду пробраться к гримерке

той певички, ни одна сверхсекретная служба мира не переспорила бы ее. Русских тяжело обыграть, они думают не как остальные люди — образно и эмоционально, отбрасывая логику и законы языка. С ними нужно действовать, поддавшись чувствам, растворяясь в них. Эдвард это знал, поэтому, недолго думая, встал перед Эйлин на колени, протянул ей снятый с пальца фамильный перстень — единственное напоминание, которое Николь разрешила оставить об отце, и негромко произнес:

— Я не знаю, как тебя зовут, мне ничего не известно о твоей жизни до сегодняшнего дня, но это и не важно. Услышав тебя, я заново научился видеть и чувствовать, я узрел, что такое свет. Ты не знаешь моего имени, тебе ничего не известно о моей жизни до этого момента, но я прошу, согласишься стать моей женой, и я дам все, что ты пожелаешь. Понимаю, звучит глупо, и ты, наверное, считаешь меня сумасшедшим, но я рос в итальянских традициях, воспитываясь русской матерью писательницей, я давно сумасшедший. — произнес на одном дыхании Эдвард. — И, от своих слов не откажусь.

— Почему просто не пригласить на ужин? — удивилась тогда Эйлин, весело улыбаясь ему. — Я бы согласилась. Все русские такие сумасшедшие? — негромко добавила она.

— Только я. — ответил мужчина. В тот вечер он впервые поссорился с Николь, ему был двадцать один год.

Из воспоминаний Аркаду выхватил тихий настойчивый

голос отца, больше напоминавший шуршание фольги, чем голос живого человека. Он всегда не любил вспоминать о своей матери, желая, чтобы и его семья поросла традиционной ненавистью к этой властной женщине. Когда зимой она приезжала в дорогих мехах и при этом шуба на ее плечах стоила больше, чем весь их дом, а сережками в ушах можно было оплатить обучение Аркады и Ланы в престижном колледже, вместо местного, Эдвард бессильно злился. Но, так-ва Николь, она ничего не даст, пока не отдашь что-нибудь взамен.

В этот раз бабуля Николь явилась два дня назад за рулем черного «Ламборджини», который резко затормозил на подъездной дорожке, хрустя гравием. Светловолосая женщина в дорогой одежде медленно поставила ногу на дорожку. Несмотря на возраст, она носила шпильки, высотой напоминавшие приемник телебашни.

Не церемонясь, она бросила на кухонный стол пустой чек и целенаправленно поднялась на второй этаж, стуча своими острыми каблуками по паркету, не боясь, что оставит следы. Бабуля Николь по-настоящему, боялась только одной вещи в жизни — глубокой воды, остальное, по ее мнению, не стоило переживаний.

Дойдя до комнаты старшей внучки, она без предупреждения отворила дверь и бросила к ее ногам тяжелую папку.

— Прочти, это рукопись, надеюсь, последняя в моей жизни. Книги — сущее проклятие, а возможность воображать

— самое страшное наказание для человека. Он перестает видеть реальность, живя в выдуманном мире. Надеюсь, что хоть этим я смогла тебе помочь, Аркада... — тихо произнесла она, плотнее закутываясь в шубу, не обращая внимания на голоса в гостиной. — Скажи, ты видела, как снег ложится вечной мерзлотой на мертвые ветки деревьев?

— Да, Николь, но при чем тут снег? — спросила Аркада, недоумевая.

— Тогда у тебя есть шанс. — произнеся это, Николь выскочила из дома и, разогнала «Ламборджини» до сумасшедшей скорости, не глядя по сторонам. Она исчезла так же внезапно, как и появилась, оставляя только запах жженой резины.

Аркада никогда до конца не понимала бабушку, считая ее странной и временами безрассудной. Но, безрассудный человек не может сколотить состояние в миллионы, было что-то еще, ускользающее от взгляда. Что-то, что она не замечала — странную тоску и неправильность происходящего, будто все шло не так, не по настоящему.

— Када, спускайся, нам пора в Торговый Центр. — как и большинство американцев, подарки на любые праздники они покупали именно там, Машина медленно выехала из гаража, и вскоре они припарковались на огромной стоянке перед торговым центром. Када машинально запомнила место, и они двинулись вглубь магазина, ныряя в толпу людей.

Вернувшись домой, счастливые и усталые Нортолы, расставляли под елкой купленные на Рождество подарки. Детям хотелось, как можно скорее вскрыть яркие коробки, но Эйлин строго-настрого запретила прикасаться к ним до завтрашнего утра. Лана захныкала, что это несправедливо, но Эдвард встал на сторону жены и объяснил, что такова традиция, а традиции нужно уважать.

О странном приезде бабули никто не вспоминал, словно его и не было для всех, кроме Аркады, потому, как тот оказался сном. В тот день девушка задремала в кресле с книгой, недавно купленной на чьей-то дворовой распродаже. То, что она произошла под Рождество, когда все нормальные семьи готовятся к празднику, нисколько не удивило девушку. Если людям нужно продать пару безделушек, чтобы наскрести пару лишних долларов, какая разница, когда это делать.

Там-то, среди всякого хлама — выставленного с чердака и подвала, она и обнаружила книгу, которая сразу притягивала к себе взгляд. Девушка моментально поняла, что книга написана именно для нее, хотя не прочитала даже названия и имя автора. Она просто знала это неведомым чувством, как кошка, знающая дорогу домой, и понимала, что должна ее прочесть. Невольно в голове всплыла рассказанная папой история о первой встрече с мамой, когда тот увидел ее в опе-

ры. Глупо, наверное, сравнивать такие величественные моменты с дворовой распродажей, но именно оно, и только оно сюда вписывалось.

На удивление, книга оказалась бабулина — один из первых ее романов, вышедших небольшим тиражом. Это сейчас имя Николь Ланисковой знают по всему миру взрослые и дети, а сорок лет назад она была никому неизвестным человеком, живущим в своих мечтах. Книга была старая и потертая, цветная обложка давно выцвела на солнце.

Как бледная тень себя прошлой, где на картинке изображена женщина со светлыми волосами, и неясное чудище в виде рогатого монстра, распахивающего над ней крылья, картинка как ничто отражала быстротечность и необратимость времени. Так же стареют люди, подобно книгам — былую яркость уже не вернуть, и, как не пытайся разукрасить выцветший рисунок — это будет уже не то. Проще купить красивую и новую, отправив ненужную в кучу хлама. С той разницей, что человек не книга, такого же не купишь никогда, их не печатают тиражами в тысячу экземпляров. Люди рождаются и умирают, надеясь на то, что их «обложка» долго будет сохранять типографскую свежесть.

Яркий пример тому — сама бабушка Николь, выглядевшая в свои шестьдесят с небольшим на тридцать. Только шея и руки выдавали ее истинный возраст, но эти недостатки она с ловкостью превращала в достоинства. Лишь взгляд голубых уставших глаз выдавал истинный возраст и затаенную

тоску, когда она приезжала в гости к сыну.

«— О чем она думает, когда видит нас, точных копий Эйлин по внешности и характеру?» — пронеслось в голове Аркады, когда она перевернула обложку, чтобы посмотреть фото автора. Задумчивая молодая блондинка таинственно улыбалась с карточки, приложив указательный палец к виску, подперев большим подбородок — этот фирменный жест, передавшийся по наследству отцу и Аркаде, отсутствовал у ее брата и сестры.

Вдобавок, Николь всегда любила старшую внучку больше остальных внуков, часто говоря, что, если бы не цвет волос, та была бы абсолютной ее копией. Аркада была невысокой темноволосой девушкой девятнадцати лет с яркими голубыми глазами, подчеркнутыми разлетающимися крыльями сокола бровями, тонкими чертами лица и удивительно маленькими аристократическими ладонями с длинными пальцами.

Заметив, что в последнее время очень много думает о бабуле, она вынырнула из мыслей, возвращаясь к разбору подарков. После помогала матери на кухне с праздничным ужином, пока та фаршировала рождественскую индейку. А после они сидели за семейным столом, обсуждая, куда поехать на новогодние каникулы.

Аркада робко предложила Италию, но Эйлин категорически отказалась. Наслушавшись за годы брака о том, как хорошо живет в Италии, а также о великом искусстве эпохи Возрождения и о Римской Империи от своей свекрови,

она практически ненавидела эту прекраснейшую страну. Николь умела любого человека вывести из себя, если этого хотела, также легко, как могла любого расположить. Редкое искусство хорошего психолога помогало ей видеть все людские слабости, ярко прописывая персонажей.

С Эйлин она говорила исключительно наставническим тоном с улыбкой довольной гиены, как будто обращаясь к слизняку, а не к человеку. Однажды смелая Аркада, будучи еще ребенком, спросила у бабули, почему она так строга с мамой. На что та, закулив сигарету, ответила, как взрослому человеку, а не семилетней девочке.

— Чтобы она перестала мне лгать. — Тогда семилетняя Аркада была единственным ребенком. Эйлин лежала в больнице на сохранении, и в очередной из визитов бабули девочку впервые оставили с ней наедине на целый день. Родители очень боялись дурного влияния Николь, судя по рассказам Эдварда о его тяжелом детстве и ее причудах.

Кстати, имя первенца выбирала именно она, когда принесла чек на остаточную сумму ипотеки. С трудом сводящему тогда концы с концами Эдварду пришлось согласиться на условия матери, скрепя сердце. Благо, что имя ему понравилось. Выбрав имя Аркада, бабуля надеялась, что внучка возьмет только лучшие черты родителей. Ложь в этом списке занимала обособленную полку.

— Что значит лгать? — спросила тогда девочка, когда они сидели на скамейке в парке.

— Посмотри, как она себя ведет, стоит мне появиться у вас. Улыбается, думая, что я не вижу ее фальшь. Вежливо выслушивает, кивая в такт, соглашается со всеми замечаниями, ни разу не переча мне. Она даже научилась готовить борщ, хотя, у вас, американцев, не принято само понятие супа. То, что Эдвард тряпка, отчасти моя вина, но у Эйлин есть характер, который она позволяет перемалывать. Было бы проще, если бы она хоть раз высказала мне в лицо все, что думает, пригрозив немедленно выставить вон мои вещи, если произнесу еще хоть слово про Микеланджело и Леонардо. Видела бы ты, как она шипит, думая, что ее никто не слышит на кухне, лепя пельмени, ты бы здорово оценила иронию. Если она это терпит с милой улыбкой, значит, ей нравится. А мне нравится ломать людей, выворачивая их души наизнанку, что я и делаю. Потому что я делаю только то, что мне нравится, и никогда то, что меня заставляют. — спокойно объяснила бабуля.

— Меня ты тоже сломаешь, когда я вырасту? — доверчиво спросила Аркада, на что бабуля громко и заливисто засмеялась, привлекая внимание гуляющих мамочек в парке.

— Только, если ты это мне позволишь. — ответила она, вытерев пальцами выступившие слезинки.

— Думаю, мама тебя боится, точнее боится тебя рассердить. Потому что ты помогаешь папе деньгами. Вот она и не перечит. — сказала повеселевшая Аркада.

— Я помогаю не ему, я помогаю тебе и будущему внуку. В

Америке неправильные понятия о воспитании. То, что мой сын вырос, не значит, что я должна перестать ему помогать, если есть такая возможность. Даже, когда у него выпадут зубы и волосы я продолжу оказывать ему помощь. Это называется забота, детка. В России это естественно, там дети и родители не берут друг у друга в долг под расписку, не составляют дурацких контрактов. И именно этим мне больше всего не нравится Америка — вашим отношением к семье. Назвала бы это прагматичным, неправильным, что ли... — выдала бабуля длинную тираду, которую девочка осознала только спустя несколько лет.

Тогда был хороший день, почти такой же хороший, как сейчас. Они еще долго говорили с бабушкой Николь о многих вещах. Аркада слушала и впитывала как губка, каждое ее жесткое слово, напоминавшее вылетающие изо рта ледяные осколки. Если представить, то она могла даже почувствовать холод и увидеть их, когда бабуля говорила о неприятных для девочки вещах. Например, когда она засомневалась, существует ли Санта на самом деле, она спросила об этом у бабули. Именно Николь Ланискова была тем светом, разрезающим тьму незнания, поскольку называла вещи своими именами.

После того разговора в парке, Аркада поняла, почему родители так не любят приездов бабули. Она говорит правду, пусть и жесткими словами, но она не врет. Она всегда настоящая. В тот раз девочка поняла, что, пообщавшись с люби-

мой бабулей начала терять детство.

Вечер закончился посиделками у камина на мягком диване — идиллический момент в духе «Симпсонов», за просмотром ерунды по телевизору в гостиной. Малыш Грэм уложен в кроватку, Лана зарылась рукой в миску попкорна, не желая уходить наверх. Бросив короткий взгляд на часы, мама сказала, что уже поздно, и отправила дочь готовиться ко сну. Аркада, утомленная за день, отправилась в свою комнату, чтобы не мешать родителям.

Впервые за долгое время они собрались все вместе, чувство настоящей семьи теплым костром заполнило душу. Наверное, это то, что пыталась передать бабуля много лет назад в парке. Именно это ощущение стабильности и защищенности, какое не объяснить словами. Чувство, когда знаешь, что тебе всегда придут на помощь, стоит лишь попросить — этого не купишь за все сокровища Римской Империи.

Устроившись в мягком кресле возле окна, Аркада только сейчас вспомнила про купленную на распродаже книгу, увидев ее на кофейном столике.

— «Откровение.» — прочитала она название, написанное большими русскими буквами. Удивленно хмыкнув, девушка открыла первую страницу, погрузившись в чтение. Она на сто процентов была уверена, что покупала англоязычное издание. Не мог же перевод замениться сам собой на язык оригинала? Так бывает только в бабулиных сказках, а не в реальной жизни. — Русский, так русский. — протянула девушка,

впиваясь глазами в буквы. Читать приходилось с трудом первые страниц десять. Нужно было перестраивать мышление под образность и эмоции, но вскоре это начало получаться с легкостью.

Аркада ушла с головой в фантастический мир фей и драконов, волшебников, единорогов, словно сама находилась там, среди таинственных существ, где возможно все. На середине книги девушка заметила нечто странное — ощущение, что ее затягивает вглубь, как в трясину. Странное чувство падения резко охватило тело, и наступила темнота.

В этот самый момент на другой стороне Земного шара раздался телефонный звонок. Пожилая, но весьма эффектная женщина небрежно сняла трубку. Настойчивый ледяной голос, способный заморозить Ямайку отрывисто произнес.

— Вы знаете, какой сейчас час? — гневно бросила она, отрываясь от очередной рукописи. Николь Ланискова еще многое сказала бы собеседнику, но одна короткая фраза, произнесенная незнакомым голосом, заставила руки дрожать, а голос сорваться. — Я вылетаю. — бросила она трубку. Быстро набирая знакомый номер агента, коротко произнесла единственную фразу:

— Закажи билет на ближайший рейс до Нью-Йорка. — И кинулась собирать чемодан.

Николь Ланискова была не тем человеком, с которым можно поспорить без вреда для здоровья или собственной психики. Она сражала аргументами наповал, выставляя спорщика виноватым или неправым по всем статьям. Те немногие, хорошо знавшие Николь, предпочитали не нарываться на гнев этой женщины, от которого так и пышет жаром. Те же, кто пытался влиять на нее, быстро приходили в состояние эмоционального истощения.

Николь Ланискова была из той породы людей, которых не убедить ничем, если они что-то вбили в голову. Это как передатчик, работающий только на прием информации, с собственным, годами отточенным анализатором, который мало кто мог разгадать, и еще меньше всего понять. Даже ее старинные друзья из университета в России, часто пользующиеся ее гостеприимством на итальянской вилле, за сорок лет знакомства и близко не подошли к пониманию этого уникального существа, как они любили называть Николь.

Только один человек сумел подобраться к ее разгадке совсем близко — любимая внучка Аркада, так похожая на нее внутренне. Умная, развитая не по годам с самого детства, она отличалась обширным кругозором и целеустремленностью. Она единственная видела бабулю настоящей, не прикрытой сухими масками, и как никто ее понимала.

Одаренная и талантливая Аркада имела мало друзей, зато у нее было богатое воображение, настолько живое, что удивлялась даже сама Николь. А, чтобы удивить ту, которая с легкостью описывает и пост ядерный разгром, и человеческие переживания, и запах розы, окуная читателя в мир слов и фантазий, нужно очень постараться.

В один из очередных визитов к сыну, старательно избегающему ее общества, Николь спросила внучку, как она видит ее книги. На что Аркада ответила описаниями образов, которые крутились в голове самой Николь. Поначалу она не поверила, решив, что та всего лишь процитировала ее же слова. Девушка была талантливой художницей, и к следующему приезду бабули нарисовала одну из фантастических сцен ее романа.

Женщина была так впечатлена видением Аркады, что предложила той выпустить серию комиксов по самым популярным циклам — «Грань света» и «Бессердечные», принесшим ей мировую славу. Естественно, все расходы Николь брала на себя, как и дальнейшее продвижение этих работ. Минуту подумав, девушка честно ответила, нисколько не боясь обидеть вспыльчивую бабулю.

— Ники... — они всегда общались только по именам. «Бабуля» было введено папой, много лет назад, на что Николь безумно обижалась, и говорилось только при ее абсолютном отсутствии в доме. — Я бы еще попробовала нарисовать «Грань света», но комикс про маньяков убийц с по-

дробным описанием... Нет, сразу нет! Это выше моих сил. После первой книги мне снились кошмары. — ответила тогда она.

Комикс «Грань света» вышел спустя два года, разлетевшись по миру биологической заразой. Особенно всех сразили комментарии самой писательницы, в которых говорилось, что это картины, перенесенные из ее мозга на бумагу. Поклонники были в восторге, и массивные альбомы долго не задерживались на полках.

Красочная история о путешествиях в параллельные миры, хоть и избитая тема, но рисунки Аркады дали ей новую жизнь. Вновь имя Николь Ланисковой звучало на каждом углу, поступали предложения об экранизации. Киношники сулили золотые горы и обещали учитывать пожелания автора. Только Николь не хотела допускать кого-то, кто не может понять истинную суть ее книг в самое сокровенное. Поэтому, на каждый звонок продюсеров отвечала отказом.

Они не смогут передать всю полноту чувств и эмоций так, как Аркада в своих работах. Она вкладывала в них душу, частичку себя, также, как Николь в свои книги. А киношники только извратят и опорочат ее видение истории, не смотря на все обещания.

Один раз она все же решилась на разговор с продюсером, высказав все пожелания и требования на счет реалистичности и конкретных ожиданий от фильма. Продюсер, низкий лысеющий мужичок, в круглых очках на кривом носе кор-

шуна, внимательно выслушал эксцентричную писательницу. Протерев вспотевшую шею, он сложил маленькие пухлые ручки в замок перед собой, и очень ласково произнес, походя в этот момент на настоящего гоблина из ее книг, что это слишком дорого. Дороже, чем самый кассовый мировой блокбастер, вдвое себя окупивший.

— Только так, и никак иначе. Вы соглашаетесь с моими условиями, я передаю права. Это понятно? — звонко произнесла Николь голосом, замораживающим лаву. Если где-то во вселенной и существовала по-настоящему Адская мерзлота девятого круга Данте, она была в этом просторном кабинете.

— Николь, мы не уверены, что с таким бюджетом фильм себя окупит. — произнес лысый гoblin. — То, что хотите вы, по сути, невозможно, да и цензура не пропустит.

— В таком случае, разговор окончен. — произнесла она, не прощаясь. — Жаль, что потратила на вас свое время.

Это было десять долгих лет назад, за которые много что поменялось в жизни успешной писательницы. Тогда она еще имела семью, пусть и призрачную, но все же семью. Где-то там, за голубым океаном, она знала, что в феврале придет к сыну на день рождения, отличавшийся от ее на пару дней. В начале июля навестит их на День Независимости, чем вызовет глубочайшее раздражение Эйлин, вынужденной всю ночь перед праздником лепить ненавистные ей пельмени, вместо жарки традиционных гамбургеров.

Николь знала, что так будет всегда, год за годом, получая от этого знания несказанное удовольствие. Жизнь будет течь своим размеренным чередом, и ничто не сможет ее изменить. Как же она ошибалась, поднимая утром двадцать пятого декабря телефонную трубку, так же, как и в этот раз.

— Полиция округа Нью-Йорк. Говорит сержант Береди. Это Николь Ланискова? — сухо отчеканил он формальные фразы.

— Да, что случилось? — настороженно спросила она, чувствуя, как в груди забилося сердце, и вспотели ладони.

— Мне очень жаль, мэм, но... — начал полицейский успокаивающим голосом, объясняя, что произошло. Николь не сразу поняла, только с третьего терпеливого объяснения, до нее начали доходить факты. — Вы должны приехать в Нью-Йорк первым же рейсом. — Мэм? Мэм, вы там? — обеспокоенно спросил сержант после двадцати секунд молчания.

— Я приеду. — бесцветно сообщила она, тихо опускаясь на пол.

Проснувшийся через пару часов Фабио, пол дня пытался растормошить Николь, но все его попытки разбивались о непроницаемое молчание и пустой отсутствующий взгляд, как у зомби. Когда ему все-таки это удалось, оборвав телефон разговорами с ее русскими друзьями, не сумев дозвониться до Нортолов, разразилась такая буря, что на мгновение мужчина подумал, что Ники сошла с ума.

Она кричала и металась по дому, разнося все, до чего до-

тягивалась. Только разгромив вконец весь первый этаж, она упала на колени на пол, и громко заплакала, повторяя, что этого не может быть. Что какой-то злодей разыграл ее, наверняка, не дождавшийся ответа фанат, решивший проучить злыдню-писательницу. Она повторяла и повторяла, что это шутка, что они приедут в Нью-Йорк, и все будет хорошо, как раньше, вместе посмеются над телефонным розыгрышем, собравшем всю семью.

Разум Аркады действительно был похож на разум самой Николь, но она не понимала насколько, до этого момента, когда Фабио гладил ее по спине, повторяя за ней беспросветные глупости, соглашаясь со всем, что она шепчет ему в плечо. Николь успокоилась только ближе к вечеру, то вновь впадая в рыдания, то в кататонический ступор, проспав большую часть следующего дня.

За это время Фабио, используя все свои немалые связи в творческой богеме Италии, обещая неизвестно что, вплоть до публикации биографии собаки, арендовал в Рождество частный самолет, уносящий их с Николь на следующее утро в город небоскребов.

У Николь всегда была богатая фантазия, с самого детства, позволяющая отгородиться от тягот и проблем реального мира. То, что это вызвано глубокими психологическими травмами и некоторым нарушением самой психики, в частности склонности к шизофрении и регрессии знали единицы.

Сидя в кожаном салоне частного самолета, она, как обычно безупречно одетая и накрашенная, со сложной витиеватой прической, невозмутимо жаловалась на задержку вылета из-за начавшейся метели абсолютно спокойным тоном. Фабио боялся момента, когда его любимую жену накроет осознание произошедшего.

Темнота сменилась чувством падения, отдавшемся болью в затекших мышцах, когда Аркада все же открыла глаза. Думая, что зачиталась и заснула, свалившись с кровати, как бывало не раз в детстве, девушка непонимающе уставилась на окружающий мир, меньше всего напоминавший уютную комнату.

Она находилась на лесной поляне под вековым дубом, закрывающим небеса широкими лапами веток. Солнечные лучи скользили по листьям, играя на коре и ветках непоседливыми зайцами. На мгновение Аркаде показалось, что они действительно живые, так непохожи они были на лучи привычного солнца.

— Где это я? — осторожно оглядываясь, спросила она пустоту, но ответа не последовало. — Никогда не видела такого реального сна...

— Сна? — раздался над головой чей-то веселый голос, напоминающий детский смех. — Кто тебе сказал, что это сон? — продолжает смеяться голос.

— Кто ты? — испуганно спросила она, ища глазами говорившего, натываясь только на солнечные блики, забегавшие калейдоскопом перед глазами. — Кто со мной говорит?

— Тише, не кричи так. — завис перед глазами маленький огненный человечек на уровне лица, вызывая новый вскрик.

Существо напоминало крошечную куклу с маленькими крылышками за спиной. — Твое появление перепугало нас. Напав на **Дуб мудрости**, ты потревожила наш покой! — строго произнес человечек, осуждающе указывая на нее пальцем.

— Я не хотела... — не ожидая такого напора, смутилась Аркада. Маленький огненный человечек ей смутно знаком. — Простите...

— Чего ты церемонишься с этой гигантшей, Берли? Прогони, и помоги восстановить гнезда! — подлетел второй человечек, сердито попискивая женским голосом. — Падают тут всякие с небес, и постоянно на наш дуб. Отбоя от вас нет! Давай, иди отсюда, из-за тебя загораживается солнце!

— Никуда я не уйду, пока вы не объясните, как я сюда попала, и что это за место! — требует Аркада.

— Ха, эта еще и глупая! — надменно протянула огненная женщина, сверкая золотыми крыльями, зависнув почти у самого ее носа назойливой мухой, которую хочется прихлопнуть. — Остальные хотя бы знают, зачем пришли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.